

Anders Åslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Wash.: Peterson Institute for International Economics, 2009. 345 p.

Андерс Ослунд написал содержательную, побуждающую к серьезным размышлениям книгу об Украине «Как Украина стала рыночной экономикой и демократией». Ее заглавие вызывает в памяти его другие работы о России, например книгу «Как Россия стала рыночной экономикой» (1995), в которой Ослунд формулирует основной тезис, тоже используя прошедшее время. Он утверждает, что Украина *стала* рыночной экономикой в 2000 году, а демократией — после «оранжевой революции» 2004-го (с. 6–7). Название нынешней книги об Украине очевидным образом перекликается с заглавием еще одной его работы — «Капиталистическая революция в России: почему рыночные реформы увенчались успехом, а демократизация потерпела неудачу» (2007) ¹.

Ослунд рассматривает много интересных вопросов, представляя читателю хронологическую цепь событий, происходивших в последние двадцать лет. Как и следовало ожидать, его сильные стороны как исследователя проявились там, где сопрягаются экономика, бизнес и политика. Мало кто стал бы оспаривать утверждение автора, что приоритетом для Украины при первом президенте Леониде Кравчуке стало строительство нации или что Украина «застряла в ловушке “недореформирования” до [по крайней мере] 2000 года» (с. 5). Тем не менее в 1990-х лишь немногие украинцы, по словам автора, были «готовы согласиться с высокими социальными затратами, чтобы построить национальное государство» (с. 2). Возможно, для Украины было бы лучше, если бы таких людей оказалось больше. По крайней мере

политики всегда действовали осторожно, заявляя, что им недостает поддержки и что украинское общество не будет приносить такие же жертвы, как жители Польши и прибалтийских государств.

Вслед за Яношем Корнаи, Ослунд дает минималистское определение основных составляющих элементов рыночной экономики и строит его в значительной степени по принципу «от обратного». Он перечисляет четыре главных фактора: экономические субъекты независимы от государства и действуют свободно, без указаний со стороны государственных органов; в сфере бизнеса преобладает частная собственность с надежно защищенными правами собственности; цены и торговля в подавляющем большинстве случаев свободны; государственные субсидии ограничены, а сделки, как правило, монетизированы (с. 5–6). Поэтому появление рыночной экономики на Украине Ослунд относит к сравнительно раннему периоду — к реформам правительства Виктора Ющенко в 1999–2001 годах и к радикальным переменам, пусть и запоздалым, которые начались в 2000-м. Автор утверждает, что погоня за рентой если и не исчезла совсем, то после 2000 года перестала быть главной составляющей экономической деятельности в стране. «Если олигархи 1990-х были прежде всего придворными скупщиками ценных бумаг с целью их перепродажи, то нынешние олигархи — это уже предприниматели, добившиеся успеха своими силами, которые заработали свои состояния, возвращая к жизни сохранившихся советских мастодонтов» (с. 110). Тем самым Ослунд преуменьшает масштаб выгод, получаемых новыми украинскими стальными

магнатами благодаря косвенно контролируемой ими дешевизне сырья, прежде всего угля, и электроэнергии, поставщики которых покрывали свои убытки за счет государственных субсидий.

Вместе с тем автор указывает, что, хотя некоторые элементы рыночной экономики и возникли, многие другие ее составляющие все еще отсутствуют. По его оценкам, «примерно 40 проц. банковских активов Украины принадлежали [перед кризисом] иностранным банкам, что вдвое больше, чем в России. Украинская банковская система почти полностью частная и, как следствие, более сильная и более чистая, нежели российская, которая наполовину принадлежит государству. Однако коммерческое законодательство в России лучше и лучше функционирует судебная власть» (с. 253). Последний фактор — основное слабое место украинского государства. Наверное, точнее было бы сказать, что страна страдает из-за того, что коррупция в ее судебной системе является частью процесса конкуренции, тогда как в России суды подчинены жесткой «административной вертикали». После кризисной ситуации с Конституционным судом в 2007 году проблемы судебной власти на Украине лишь усугубились. Они настолько глубоки, что, как замечает Ослунд в небольшом комментарии, «уважающее себя юридическое лицо не пойдет в украинский суд... серьезные украинские компании улаживают свои конфликты, прибегая к международному праву» (с. 245).

Следуя Хуану Линцу, автор определяет демократию (опять же минималистски) как свободу отстаивания альтернатив; «свободную, без применения насилия, конкуренцию среди лидеров с периодической проверкой их претензий на власть; включение всех эффективных политических организаций в демократический процесс; и обеспечение участия в политическом процессе всех членов политического сообщества, независимо

от их политических предпочтений» (с. 7). Украина стала удовлетворять этим критериям после проведения свободных и справедливых парламентских выборов в 2006 и 2007 годах, хотя, по мнению Ослунда, было бы лучше, если бы это произошло сразу после «оранжевой революции» (такая возможность была упущена и в 1992-м, после того как в декабре 1991 года распался Советский Союз).

Автор не преувеличивает разницу между «до» и «после» «оранжевой революции»: элементы демократии существовали и до 2004-го, а впоследствии сохранилось немало проблем. Он перечисляет многие серьезные политические проблемы после 2004 года, к которым, в частности, относит существенные изъяны проекта конституции и контролируемую олигархами партийную систему. Но основное внимание автор уделяет политической экономии и социально-экономическим изменениям как долгосрочным предпосылкам развития демократии. Ключевой связующий аргумент Ослунда состоит в том, что так называемая «конкурентная олигархия способствовала быстрому росту и плюрализму» в 2000-х, хотя неясно, имеет ли здесь место причинно-следственная связь, так как на той же самой странице он пишет: «способствовала плюрализму и быстрому росту» (с. 6). Эта «конкурентная олигархия» (которую другие исследователи называли «плюрализмом по умолчанию» — *“pluralism by default”*²) появилась еще до 2004 года, и раскол элит стал одним из важнейших факторов успешной революции (с. 181). Однако в годы, последовавшие за «оранжевой революцией», то, что когда-то казалось относительным преимуществом, обернулось серьезным препятствием: равновесие сил между кланами способствовало сохранению пагубного тупика, в котором оказались порядка шести деловых групп, финансирующих политическую систему. Как отмечает Ослунд, почти незамеченным в ходе выборов

2007-го осталось то, что несколько деловых группировок просто поменялись местами (с. 221).

Подобного рода «карусель» позволила олигархам защитить свои интересы. Возможно, именно поэтому экономический кризис 2008–2009 годов оказался столь же важным поворотным моментом, как и события 2004-го. Автор полагает, что «финансовый кризис и спад в производстве стали могут привести к глубоким политическим и экономическим изменениям» (с. 252). Если у олигархов станет меньше денег для подкупа политиков, то «большая часть потоков политического финансирования иссякнет. Украина может выйти из такой ситуации с более ровным игровым полем в экономике и более развитой демократией» (с. 265). 2009 год мог бы стать «украинским 1929-м», то есть резкий экономический спад означал бы также закат старого экономического порядка и конец эпохи «баронов-разбойников».

Логично было бы разделить эту мысль на четыре отдельных пункта. Во-первых, пострадали ли конкретные олигархи от нынешнего кризиса особенно сильно, так, чтобы нарушился баланс между партиями, которые они поддерживают? (Хотя любой олигарх мог попытаться рискнуть своим тающим состоянием, вложив *больше* денег в политику. По-видимому, именно этим лучше всего объясняется взлет и очевидное падение Дмитрия Фирташа в 2008–2009 годах.) Во-вторых, пострадали ли отдельные сектора больше других? Очевидно, это в первую очередь касается черной металлургии, спад в которой должен был в большей степени затронуть тех, кого поддерживают такие олигархи, как Ринат Ахметов и Константин Жеваго (хотя «стальные бароны» в украинской политике присутствуют повсюду).

В-третьих, «плохие» олигархи, вероятно, должны были пострадать серьезнее, чем «хорошие»? Возможно. Есть некоторые при-

знаки того, что истощается основной источник ренты для экономических субъектов вроде «Росукрэнерго», поскольку цены на центральноазиатский газ повышаются, европейские цены падают, а «Газпром» все больше нуждается в деньгах и вовсе не склонен делиться остающейся частью ренты.

В-четвертых, даже если все олигархи пострадали в равной степени, их коллективный крах мог бы открыть путь к обновлению политики. Но, увы, не сейчас. На выборах 2010-го по-прежнему преобладают деньги олигархов и ведутся разговоры о том, кто кого поддерживает. В любом случае если в годы бума огромные деньги, которые можно было заработать в результате «карусели», были причиной того, почему эта «карусель» продолжала вертеться³, то в период резкого спада было бы, наверное, нерационально уклоняться от борьбы за сокращающиеся ресурсы.

Возвращаясь к экономическому аспекту, Ослунд предсказывает, что «после нынешнего финансового кризиса должен начаться новый подъем с удвоенной скоростью» (с. 259). Сейчас Украина отстает от большинства экономик Центральной и Восточной Европы, но, утверждает автор, в течение десятилетия она обгонит соседей по номинальным темпам роста. Мощным стимулом для Украины должно стать ее вступление в ВТО. Время покажет, оправдается ли этот прогноз.

Заключительная цепь рассуждений Ослунда касается внешней политики. Во-первых, он утверждает, что Украина, отторгнутая путинской Россией, решительно развернулась в сторону Запада. «После “оранжевой революции” Россия ничего не предложила [Украине]», а «Путин свел российскую политику в отношении Украины к одним протестам и эмбарго» (с. 263). Это позволяет предположить, что после 2004 года Россия вряд ли переосмыслила свою роль. Именно поэтому она интерпретировала (или, вернее,

ошибочно интерпретировала) «оранжевую революцию» как «спецоперацию», проведенную финансируемыми из-за рубежа неправительственными организациями, и стремилась сделать то же самое, создав по всей Украине (а также в других частях бывшего СССР и за его пределами) собственную сеть пророссийских НПО. Конечно же российская «мягкая сила» зачастую совсем не такая уж и мягкая и нередко дезавуируется готовностью России прибегнуть к «жесткой силе». Кроме того, Россия сосредоточила усилия на формировании стимулов, ориентированных на отдельных политиков, а не на формировании самих политиков. И в этом отношении она достигла некоторых успехов. Печально известное письмо Дмитрия Медведева, оглашенное в августе 2009-го, вероятно, следует толковать как попытку изолировать Ющенко и определить правила «первичных» состязаний между другими кандидатами, чтобы обеспечить интересы России. «Многовекторность», безусловно, не исчезла. Закончится ли теперь, после 2010 года, давнишнее балансирование Украины между Востоком и Западом?

Однако методы, с помощью которых Россия пытается воздействовать на украинскую политику начиная с 2004-го, также способствовали возникновению политического тупика. Вместо того чтобы поддерживать определенного кандидата (в 2004 году таким кандидатом очевидно был Янукович), теперь Россия действует по всему политическому спектру. Она находит достаточное количество подходящих партнеров, но, как сказал Дмитрий Тренин, «на Украине никогда не было и не может быть пророссийских политиков»⁴, по крайней мере, в смысле рабского подчинения. Украинская политика слишком анархична и слишком свободна. Любой фаворит всегда может взять деньги и скрыться.

Другой всегда попытается занять его или ее место. Но тогда и Россия, в свою очередь, поддержит его или ее конкурентов. В такой ситуации опять же трудно ожидать появления очевидного победителя.

Возможно, нынешнее ухудшение в украинско-российских отношениях единственное, что поддается объяснению, поскольку Россия испытывает все большее разочарование из-за повторяющихся с 2004 года неудач при попытках «вырастить» пророссийских политиков: как только они оказываются у власти, несовершенная украинская демократия все же вынуждает их защищать украинские интересы, даже если это всего лишь частные, корпоративные — но тем не менее украинские! — интересы.

Наконец, как отмечает Андерс Ослунд, уникальную роль в отношении Украины играют США: «Только Соединенные Штаты могут гарантировать безопасность Украины» (с. 265). Ведь «Украине сегодня необходима безопасность, а не НАТО» (с. 264). Но Америка далеко, и ключ к украинскому будущему — более здоровые и тесные отношения с ЕС. До сих пор украинско-европейские отношения не были плодотворными. Почему? Одной стороне необходимо преодолеть «усталость от Украины», а другой — «усталость от реформ». С точки зрения Киева, проблема состоит в том, что Запад сначала выступал за свободные выборы, потом за написание конституции, затем за «эффективное управление», после этого — за совершенствование конституции и т. д. Брюссель же разочарован тем, что на Украине, похоже, все остается без изменений. Подобная ситуация будет самым большим испытанием для того, кто займет пост украинского президента в 2010 году, кто бы из кандидатов им ни стал. ■

ЭНДРЮ УИЛСОН

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Åslund A.* Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Wash.: Peterson Institute for International Economics, 2007.

² *Way L. D.* Pluralism by Default: Challenges of Authoritarian State-Building in Belarus, Moldova and Ukraine. Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, 2003.

³ *Chow E., Elkind J.* Where East Meets West: European Gas and Ukrainian Reality // The Washington

Quarterly. 2009. Vol. 32. No. 1 (Jan.). P. 77–92. (Русский перевод этой статьи см. в журнале *Pro et Contra*. 2009. Т. 13. № 1 (январь–февраль). С. 76–91. — **Прим. ред.**); *Balmaceda M.* Energy Dependency, Politics, and Corruption in the Former Soviet Union: Russia's Power, Oligarchs' Profits and Ukraine's Missing Energy Policy, 1995–2006. L.: Routledge, 2008.

⁴ *Костенко Н.* Россия–Украина: проблемы остаются: Интервью с Дмитрием Терениным // Независимая газета. 2006. 29 марта.

Конфликт в Косово и международная безопасность / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев. М.: Институт экономики РАН, 2009. 250 с.

Ситуация в крае Косово, который по-прежнему остается не только ареной межэтнических столкновений, но и важным фактором международной политики, уже не первый год обсуждается в политических и дипломатических кругах, в научных сообществах и остается в центре внимания широкой общественности как в европейских странах, так и в России. Косовский конфликт, как и «замороженные» конфликты на постсоветском пространстве или арабо-израильский конфликт, еще далек от своего разрешения. Ситуация вокруг Косово постоянно меняется, последним и наиболее значимым из таких изменений стало провозглашение краем независимости 17 февраля 2008 года. Именно поэтому выход в свет сборника статей «Конфликт в Косово и международная безопасность» оказался своевременным. Материалы сборника составлены на основе выступлений участников конференции «Варианты и перспективы урегулирования конфликта в Косово и международная безопасность», состоявшейся в Центре политических исследований Института экономики РАН. Авторы сборника — сотрудники этого центра, а также Института всеобщей

истории, Института Европы, Института этнологии и Института мировой экономики и международных отношений РАН — видели свою задачу в том, чтобы показать истоки косовского конфликта, современную ситуацию в крае и возможные варианты развития событий. Первый блок статей посвящен нынешнему положению дел в самом Косово и в Сербии, второй — международным аспектам конфликта. Хронологически исследование доведено до июня–июля 2008-го, таким образом, авторы сборника учитывали изменения, произошедшие в системе международных отношений после провозглашения независимости Косово.

Открывает сборник статья Сергея Романенко «Косово: история, характер и динамика конфликта». Автор справедливо отмечает, что «перед нами острый, исторически обусловленный кризис в отношениях между двумя народами (сербами и албанцами. — **М.В.**) и их политическими классами» (с. 36). Вместе с тем в статье говорится, что сербо-албанские отношения далеко не всегда были конфликтными, что этим двум этносам присуща типологическая и региональная однотипность и перед ними стоит

общая задача ускоренной модернизации. Обращаясь к международному аспекту косовской проблемы и внешнему вмешательству западных стран в конфликт в 1999 году, автор приходит к выводу, что государства — члены НАТО допустили концептуальную ошибку, оказав поддержку албанско-косовскому национализму, пытаясь тем самым создать противовес национализму сербскому. Безусловно, политика Слободана Милошевича в Косово в 1990-е негативно повлияла на развитие ситуации в крае. Косово было лишено многих автономных прав, в край были переселены сербы, которые стали мишенью боевиков Армии освобождения Косово, — оба эти фактора не могли способствовать стабилизации обстановки. Тем не менее в результате операции НАТО в Югославии межэтнический конфликт погасить не удалось. Он лишь приобрел иные формы и динамику. И сербскому, и албанскому национализму оказались одинаково чужды демократические ценности, поэтому в Косово до сих пор не удалось осуществить идею полиэтничного общества и выстроить демократическую систему власти.

Романенко рассматривает и вопрос о статусе края, а также проблему территориальной целостности Сербии. Совершенно справедливой представляется высказанная автором мысль о необходимости провести грань между исторической неизбежностью независимости Косово и целесообразностью его провозглашения в конкретных политических условиях. Самопровозглашение независимости Косово в феврале 2008 года не привело к разрешению конфликтной ситуации, а, напротив, усугубило ее. По мнению ученого, сложность в том, что Косово — это часть и сербской, и албанской истории, было бы ошибкой отдавать предпочтение какой-либо из сторон. Если бы стороны стремились к компромиссу, полагает автор, то они вели бы себя иначе. В этом случае была бы сформирована общая партийно-политическая

система для Сербии и края Косово, имеющего как минимум широкую автономию. В органах власти в Белграде были бы представлены албанцы, а в Приштине — сербы. Граждане Сербии и Косово обладали бы равными правами, независимо от этнической принадлежности. Конечно, учитывая сложившуюся обстановку в Сербии и Косово, вряд ли можно говорить о реалистичности такого плана. Однако автор статьи подчеркивает, что подобный план предполагает иной уровень доверия между сторонами, которого сегодня нет.

Малоизученной теме общественно-политического развития косовско-албанского общества с конца 1980-х и до нынешнего времени посвящена статья Артема Улуяна. То обстоятельство, что албанские политические партии Косово заняли единую позицию по вопросу статуса края, создало впечатление о них как об очень схожих и не заслуживающих отдельного внимания, в результате возник единый образ албанцев-косоваров. Между тем косовско-албанская общественно-политическая среда представляет собой сложный и неоднородный организм. Так, косовско-албанское общество до сих пор сохраняет традиционное деление на кланы, которые, в свою очередь, подразделяются на особые политико-социальные объединения (байраки) и племена (фисы). Сложность политического ландшафта «албанского мира» Косово стала очевидна уже в начале 1990-х годов, когда вслед за Демократической лигой Косово (ДЛК), наиболее мощной политической силой в крае, появилось множество других, более мелких, партий. Автор считает, что сам факт их возникновения свидетельствовал о начавшемся процессе политического размежевания в крае (с. 64), но все же эти партии не могли быть серьезными конкурентами ДЛК. Главным соперником Демократической лиги стала Армия освобождения Косово

(АОК), созданная в 1998-м. В отличие от Ибрагима Руговы и других лидеров ДЛК, руководители АОК Хашим Тачи, Сулейман Селими, Адам Демачи выступали преимущественно за вооруженную борьбу за независимость Косово.

После окончания военной фазы косовского кризиса и передачи края во временное управление ООН в общественно-политической жизни албанской общины Косово произошли перемены. Трансформации подверглись прежде всего структуры АОК. Ее активисты создали новую политическую партию – Демократическую партию Косово (ДПК), которая унаследовала от Армии освобождения Косово роль главного оппонента ДЛК. Анализируя ход политической борьбы в «албанском мире» Косово в 2000-е, Улуян приходит к выводу о серьезном размежевании внутри уже существовавших партий и усилении противостояния различных группировок албанского общества. Партийно-политическая система косовско-албанского общества претерпевает изменения и сегодня, обретая несколько иную конфигурацию едва ли не после каждого президентских и парламентских выборов в крае. Несмотря на то что уже можно говорить об оформившейся в Косово двухпартийной системе, где в качестве главных политических сил выступают ДЛК и ДПК, эта система «будет требовать определенных модификаций с учетом все большей диверсификации социально-политических интересов социальных слоев, региональных групп, бизнес-структур и традиционных основ албанского общества» (с. 89).

В статье Марины Мартыновой «Проблемы Косово: этнический фактор» ситуация в крае проанализирована с разных точек зрения. Помимо межэтнических отношений в Косово, в работе подробно рассматривается политическая история края как части Сербии и Югославии, усилия междуна-

родных посредников во время обострения конфликта, а также многие другие аспекты косовской проблемы.

Автор приводит важные для понимания сложившейся в Косово демографической ситуации данные переписи населения в крае за различные годы, которые свидетельствуют о неуклонном падении численности сербского населения и росте албанского. Вот лишь некоторые цифры: если в 1948 году сербское население в Косово составляло 23,6 проц., то в 2005-м уже 7 процентов. А численность албанского населения за те же годы возросла с 68,5 до 88 проц. (с. 99). Такому положению дел способствовал как высокий уровень рождаемости у албанцев и низкий у сербов, так и вытеснение неалбанского населения из края. По мнению автора, эти факторы, а также деятельность в Косово университетских преподавателей из Албании, предоставление краю большей автономии, закрепленной в конституциях 1963 и 1974 годов, общая экономическая отсталость края не могли не сказаться на радикализации сепаратистских настроений в Косово.

Если смотреть на косовский конфликт глазами историка или политолога, то может создаться впечатление, что для сербо-албанских отношений характерен в первую очередь антагонизм, который многие склонны рассматривать как эпизод борьбы исламского и христианского мира. Однако автор статьи, как этнолог, видит и еще одну важную черту, присущую и краю Косово, и Юго-Восточной Европе в целом, – размытие этнических и межконфессиональных границ. У славяноязычного и у албаноязычного населения преобладал один и тот же тип общественного устройства, у обоих народов были общие представления о природе, о личной чести, о социальной справедливости (с. 103–104). Близость элементов сербской и албанской культуры заметна и в быту. Мартынова приводит немало аргументов в

пользу того мнения, что «люди на бытовом уровне могут мирно уживаться между собой, пока их не возбуждают посторонние силы — борьба элит за власть, за территории, за конфессиональное и интеллектуальное влияние и т. п.» (с. 105). Тем не менее в настоящее время созданы все предпосылки для размежевания двух этносов и конструирования ими своей особой идентичности. Так, у косовских албанцев есть свой гимн, флаг и герб, на территории края сооружено много новых мечетей и памятников погибшим бойцам АОК, албанские национальные символы украшают предметы домашнего обихода, которые продаются в магазинах. Сербское население также старается подчеркнуть свою культурную принадлежность: в каждом сербском доме можно увидеть большое количество икон, все православные праздники отмечаются сербами в соответствии со старыми традициями. Сербы, оставшиеся в Косово, демонстрируют готовность бороться за свои права, несмотря на тяжелые условия, в которых они оказались. Прежде всего это касается сербов, проживающих на севере края, в районе Косовской Митровицы. Этот район даже после провозглашения независимости Косово не подчиняется ни албанским властям края, ни международной миссии. Автор статьи негативно оценивает провозглашение независимости Косово и задает вопрос тем, кто рассматривает случай с Косово как «особый»: «Можно ли считать Косово исключением из правил, учитывая, что борьба за самоопределение на этнической основе вплоть до отделения не такой уж редкий случай в современном мире?» (с. 155).

О влиянии косовского прецедента на «борьбу за самоопределение» на постсоветском пространстве пишет Алла Язькова. Она расценивает провозглашение независимости Косово как сигнал «для более активных акций сепаратистских анклавов на постсоветском пространстве, где после распада

СССР образовался целый ряд непогашенных очагов межэтнических, а по сути своей политических конфликтов» (с. 162). Автор справедливо отмечает, что одностороннее провозглашение независимости Косово представляет собой внеправовое и несправедливое решение. Тем не менее из приведенных Язьковой данных о положении в «сепаратистских анклавах» вовсе не следует, что провозглашение независимости Косово существенно повлияло на ситуацию на постсоветском пространстве. Прогнозы некоторых аналитиков о возможном «параде суверенитетов» на территории бывшего Советского Союза и в Западной Европе не оправдались. Напротив, приводимые автором сведения об активизации армянской и азербайджанской дипломатии, направленной на разрешение нагорно-карабахского конфликта, или инициативы президента Молдавии Владимира Воронина по урегулированию отношений между Кишиневом и Тирасполем говорят совсем не о росте сепаратизма на постсоветском пространстве, а, наоборот, о попытках заинтересованных сторон найти компромисс. Единственным видимым последствием косовского прецедента, оказавшим влияние на ситуацию в проблемных регионах бывшего СССР, можно было бы считать признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Однако этот шаг российского руководства был связан не столько с косовским прецедентом, сколько с общей негативной динамикой российско-грузинских отношений. В отличие от многих отечественных экспертов автор не склонен придавать слишком большое значение фактору Косово в данной ситуации.

В статье «Упущенные возможности» Павел Кандель рассматривает варианты решения косовской проблемы и анализирует отношение к ней сербских политиков. Автор считает, что Сербия, настаивая на сохранении своей территориальной целост-

ности, избрала заведомо нереалистичную политику. Позиция как сербских «европеистов», призывающих одновременно и к интеграции Сербии в Европейский союз, и к сохранению Косово в составе страны, так и их оппонентов-националистов, среди приоритетов которых также присутствуют и евроинтеграция, и сербское Косово, в современных условиях не имеет никаких перспектив. Очевидно, что именно признание независимости Косово станет основным условием вступления Сербии в ЕС. По мнению автора, у Сербии был шанс сохранить для себя хотя бы часть края — согласиться на раздел Косово. Кандель считает, что такой раздел «дал бы Сербии ощутимые территориальные, материальные и моральные компенсации за формальное согласие с потерей того, что фактически было уже утрачено в 1999 году» (с. 172).

О другом варианте разрешения конфликта в Косово, известном как «план Ахтисаари», и об отношении к нему международных посредников рассказывается в работе Дмитрия Данилова «Дефицит идей». Автор дает однозначно негативную оценку плану Ахтисаари, считая, что этот проект был направлен «не на поиск возможного компромисса, а исходил из его невозможности» (с. 187–188). Но поскольку альтернативных предложений не было, Запад рассчитывал, что план Ахтисаари станет основой для резолюции Совета Безопасности ООН, а Россия не воспользуется своим правом вето. Между тем именно благодаря усилиям российской стороны такая резолюция не была принята, что, впрочем, не помешало Косово в феврале 2008 года провозгласить свою независимость. Косовский кризис по-прежнему далек от разрешения. Главной проблемой, как и раньше, остается дефицит идей по урегулированию ситуации в крае. В поисках таких идей автор приводит в пример Гонконг, Тайвань и объединенную Германию.

Однако в этих случаях речь идет, во-первых, об этнически однородных территориях, отделе́ние (разделе́ние) которых, равно как и их объединение, было обусловлено либо борьбой коммунистической и капиталистической идеологии (Тайвань, Германия), либо следствием колонизаторской политики Великобритании в XIX столетии (Гонконг). Кроме того, вопрос о статусе Тайваня до сих пор не решен. К сожалению, автор не объясняет, как именно опыт Германии или Гонконга мог бы помочь в разрешении конфликтной ситуации в Косово.

В работе Полины Соколовой независимость Косово рассматривается как этап евроатлантической интеграции Западных Балкан, которая считается основой урегулирования конфликтов и стабилизации обстановки в этом регионе. По мнению автора, попытки политического урегулирования на Балканах потерпели неудачу из-за того, что в начале 1990-х у Европейского союза не было единой внешней политики. Сегодня европейская стратегия безопасности выработана, но она не единственная. Помимо нее существует атлантическая стратегия безопасности НАТО. Европейский подход, в отличие от атлантического, предполагает использование несиловых, дипломатических средств при решении конфликтов. Европейский союз, таким образом, сделал упор на стратегию развития политической и экономической сфер Балканских стран, а прерогативой НАТО традиционно оставались операции военного характера. Тем не менее оба подхода служат одной цели — стабилизации региона. Автор отмечает, что успешность евроатлантической интеграции Западных Балкан во многом зависит от позиции политических элит. Главная опасность заключается в том, что западная модель демократии может показаться косовским политикам гораздо менее привлекательной, чем та, что сложилась в крае в 1999 году и допускает связь государ-

ственной власти с организованной преступностью (с. 208). В этом случае провозглашение независимости Косово вряд ли поможет стабилизировать ситуацию в регионе.

Косовской политике Германии и Франции — двух стран, чьи интересы всегда пересекались на Балканах, — посвятили свои исследования Наталия Меден (Германия) и Яна Стрельцова (Франция). Германия традиционно играла особую роль в Юго-Восточной Европе: ее присутствие на Балканах уходит корнями в XIX век. Важным шагом со стороны Германии стало признание в 1991 году независимости Хорватии и Словении, которые вслед за тем были признаны всеми государствами ЕС. В середине 1990-х германское правительство приняло решение (впервые после окончания Второй мировой войны) об отправке частей бундесвера за пределы страны — на Балканы. Все это свидетельствовало о новом внешнеполитическом курсе Германии в Юго-Восточной Европе. Нельзя не согласиться с автором, что политика этой страны на Балканах имеет самостоятельную ценность, а не только является составной частью общей евроатлантической политики (с. 218). Среди обстоятельств, позволяющих Германии действовать увереннее, чем другие европейские страны, Меден называет отсутствие в стране проблемы сепаратизма. В Германии проживает самая большая в Европе сербская община, а кроме того, между ведущими немецкими политическими партиями нет разногласий по косовскому вопросу.

В основе французской политики на Балканах лежал принцип государственной интервенции — права на вмешательство третьих стран во внутренние дела государства с целью защиты демократии и прав человека. Автором этой концепции многие считают Бернара Кушнера, представителя ООН в Косово в 1999—2001 годах. Он же выдвинул концепцию, согласно которой принцип

территориальной целостности государства, если он противоречит праву народов на самоопределение и правам человека, должен быть отменен (с. 236). Что касается вопроса о статусе Косово, то Франция всегда была сторонницей предоставления краю независимости, несмотря на наличие проблемы сепаратизма на Корсике и обострение в стране мусульманского вопроса. Франция занимает ключевые посты в миссиях ЕС и НАТО в Косово, в крае находится значительный контингент французских миротворцев и полицейских. Дело в том, что этой стране, как и Германии, важно укрепить свои позиции в Европе и на Балканах.

Таким образом, авторам сборника удалось достичь поставленной цели: проблема Косово показана в книге во всей ее полноте и многообразии и проанализирована с самых разных точек зрения. Взгляды на косовскую проблему историков, политологов, военных аналитиков и этнологов позволяют составить целостную картину событий, которые происходили в крае и происходят там сейчас. В работах использованы материалы сербской, албанской, западной и российской прессы, авторы ссылаются на официальные документы международных организаций и статистические данные. Занимая относительно единую позицию по вопросу о провозглашении независимости Косово (все авторы оценивают этот шаг косовских властей негативно), исследователи, принявшие участие в сборнике, представляют различные точки зрения на отдельные аспекты косовского конфликта и его последствия. Это касается и вопроса о разделе края, и взаимоотношения центральных сербских властей и сербского меньшинства в Косово, и влияния «косовского прецедента» на ситуацию на постсоветском пространстве. Среди достоинств сборника — стремление авторов к объективности при описании событий, отсутствие поверхностных суждений, строго

научный подход к проблеме. Представленные в рецензируемой книге статьи, которые опираются на оригинальные источники, практически неизвестные и недоступные российскому читателю, дают возможность понять исторические причины конфликта, логику нынешней позиции Белграда и Приштины и роль внешнего фактора — меж-

дународных организаций, связанных с ними структур (ООН, НАТО, ЕС), а также двух ведущих европейских держав — Германии и Франции. В результате — учитывая актуальность косовской проблематики в современных условиях — выход в свет данного сборника стал заметным событием. ■

МИХАИЛ ВАЩЕНКО

Bhavna Dave. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. L.; N. Y.: Routledge, 2007. xiv + 242 p.

Бхавна Даве, автор книги «Казахстан: этничность, язык и власть», читает курс «Политика в Центральной Азии» на факультете политики и международных отношений Школы восточных и африканских исследований при Университете Лондона. Эта школа принадлежит к числу наиболее известных и престижных образовательно-исследовательских учреждений Великобритании. Сам факт преподавания в ней того или иного автора заставляет ожидать высокого качества его текстов, и в случае с работой Даве такие ожидания в основном оправдываются. Но прежде чем перейти к обоснованию этого вывода, упомяну одно обстоятельство, позитивно повлиявшее на качество работы. Проводником в «путешествии» по Казахстану стал для Даве Нурбулат Масанов — замечательный казахстанский этнограф и политолог, человек редкой внутренней свободы, смотревший на мир открыто, не через призму мифоидеологием¹. Его восприятие Казахстана, несомненно, помогло Бхавна Даве лучше понять страну и народ, и потому не удивительно, что свою книгу она посвятила памяти Нурбулата.

Том состоит из предисловия, введения, семи глав, заключения, приложения, примечаний, библиографии и индекса. В заголовок

вынесена триада понятий: «этничность» — «язык» — «власть». Почему именно они? Прямого ответа Даве не предлагает, но дает много подсказок; в результате даже читатель, совсем незнакомый с предметом, может самостоятельно объяснить причину сфокусированности именно на этничности, языке и власти: ведь нигде на постсоветском пространстве эти три фактора не переплелись столь ярким, драматическим образом, как в Казахстане.

Книга Даве зиждется на трех дисциплинарных «китах»: 1) на истории, 2) антропологии и 3) на той отрасли знания, которая на Западе несколько легковесно именуется *political writings*, а у нас благодаря ее отечественным отцам-основателям — бывшим преподавателям научного коммунизма — получила куда более амбициозный титул «политология». При этом, когда Даве обращается к истории, то это преимущественно интерпретативная, а не нарративная история, что помогает ей избежать, за редкими исключениями, фактических ошибок, увы, характерных для междисциплинарных работ. Когда она следует антропологическому подходу, то открыто декларирует свою приверженность субъективирующей методологии постколониальных исследований в духе школы

Subaltern Studies ². Когда же вступает в область политического анализа, то чаще других ссылается на концепции этнического конфликта Доналда Хоровица ³, национализирующего государства Роджерса Брубейкера ⁴ и положительного (*affirmative*) имперского действия Терри Мартина ⁵. И такой многосоставной теоретический каркас не просто «держит» книгу, но и дает ей объяснительную силу.

Главы 1–4, занимающие более половины текста, остающегося за вычетом примечаний, приложения и библиографии, играют в работе вспомогательную роль исторической экспозиции. Ее задача — подвести читателя к углубленному анализу природы, целей и ограничений установившегося в Казахстане политического режима. Образно говоря, из этих глав мы узнаём, как, каким и почему именно таким сформировался к моменту распада СССР характер главного героя — казахской политической элиты. Даве придает очень большое значение историческому наследию, в случае Казахстана — советскому. Можно даже сказать, что она опирается на еще одного «кита», в книге прямо неупоминяемого: на Фернана Броделя. Точнее, на его мысль, ставшую, подобно «воображаемым сообществам» Бенедикта Андерсона или «символическому капиталу» Пьера Бурдьё, всеобщим и уже не требующим цитирования достоянием, — на мысль о колоссальной устойчивости унаследованных из прошлого мотивов поступков, образцов и способов действий и противодействий, «которые цветут и плодоносят независимо от решений имарека» ⁶. Даве считает, что Советский Союз был гибридом, не имевшим в мире аналогов: колониальной и антиколониальной державой одновременно, субъектом модернизации и созидания наций, впоследствии положивших конец его существованию. Это обязательно должно учитываться при анализе влияния советского наследия на постсоветские государства. В число же важнейших

компонентов наследия входит до сих пор вполне живое понимание нации в соответствии с канонической сталинской формулой. Взятая на вооружение практической политикой, оно эволюционировало в ходе и под влиянием этой политики. В итоге произошло следующее: «Осознав, что идентичности определяются не только объективно, что в них содержится и субъективный компонент “национальный характер”, изменчивый и относительный, большевики включили его в принятое ими определение нации. Однако в государстве, жестко регулировавшем социально-экономическую сферу, эта субъективная черта превратилась в предписанную, а потому была обречена стать реифицированной — как бы материальной и даже овеществленной в фольклоре» (с. 21).

В целом, по мнению Даве, из сталинского определения нации и из советского интернационалистского принципа подтягивания отсталых наций до уровня передовых развились и укоренились, во-первых, их примордиалистское восприятие как вечных данностей, во-вторых, их прогрессистская иерархия, то есть четкое представление об их неравенстве (пусть и преодолеваемом в счастливом будущем), в-третьих, представление о титульной нации как о нации «первого сорта», обладающей — ввиду проживания на исконно принадлежащей ей территории — некоторыми неотъемлемыми правами, например, правом на замещение высших республиканских должностей представителями титульной нации. Неслучайно при распаде СССР выявилась закономерность: там, где были союзные республики, возникли новые независимые государства; там, где имелись автономные образования, заявили о себе сильные национальные движения. Советское наследие предопределило постсоветское развитие в национальной области по двум главным направлениям: идеологическому и институциональному. Даве уже во

«Введении» дает понять, что возвращенное в СССР ощущение «титულных прав» в большинстве центральноазиатских республик помогло авторитарной власти, с одной стороны, сохранить кадровую преемственность, с другой — быстро обрести легитимность в глазах подданных. Можно сказать и так: способы и результаты нацистроительства в Советском Союзе заблокировали развитие демократии в независимом Казахстане.

Разобравшись с наследием в первых четырех главах, Даве три последующие посвятила современной ситуации, и именно они составляют главное достоинство работы, ее творческую, эвристическую часть.

В первой из них, по общему счету пятой, речь идет о том, почему и зачем в половине русскоговорящей стране казахский был сделан *единственным* государственным языком. Язык воспринимается как неотъемлемый, основополагающий признак идентичности, и это восприятие резко актуализируется в ситуациях «осажденной крепости» и «угрозы уничтожения». На деле ощущения «осады» и «угрозы» чаще всего — проекции эмоционального стремления к господству над Другим или вытеснения Другого ⁷.

Назначение казахского языка государственным объясняется соединением советского идеологического наследия, прочно укорененного в сознании казахской политической элиты, с ее эгоистическими властными устремлениями. С одной стороны, была убежденность: нация — это единство языка и территории, значит, без национального языка нет национального политического пространства и национального государства, такого, в котором власть должна принадлежать «законным» наследникам этой территории и, как минимум, номинальным носителям этого языка. С другой — страстное желание монополизировать власть, полученную благодаря клиентельным отношениям с иноэтническим центром, то есть установить вечную моно-

полию наличной этнической элиты или группы, стоящей в данный момент у власти.

Таким образом, в статусе государственного казахский язык обладает преимущественно символической функцией, символизируя «присвоение» власти казахами, а также их предполагаемое единство перед лицом меньшинств и России. В этом своем качестве он не играет универсальной коммуникативной роли, остающейся за русским языком, — зато позволяет исключить несогласных с его статусом из политической и общественной жизни. Вместе с тем для доказательства согласия всего-то и надо: производить легкие «впрыскивания» казахских слов и выражений в речи, произносимые на публике; утверждать, не предьявляя доказательств, что свободно владеешь госязыком; да еще отстаивать его официальный статус в присутствии начальства. Другими словами, Даве дает понять, что государственный статус казахского языка не слишком обременяет повседневную жизнь не владеющих им граждан Казахстана. По сути, языковая политика в Казахстане «отражает нежелание патримонического назарбаевского режима ввязываться в дебаты по вопросам культуры и идентичности. Фокус его усилий иной: упрочение контроля над материальными ресурсами и политическими институтами. Способность государства успешно осуществить проект по созданию культурной идентичности напрямую связана с легитимностью правящих элит, их умением мобилизовать на поддержку этого проекта общество. А таким умением патримонический режим, как правило, не обладает» (с. 114). Это в целом верно, но с оговоркой: символическая функция все же не равна фантомной; она нуждается в законодательно утвержденном доказательстве того, что язык способен к значимой коммуникации. Этим доказательством служит делопроизводство на государственном языке; и сколь бы формальной и медленной ни была

казахизация делопроизводства, она создает вокруг стержня — символической функции — постепенно разрастающуюся коммуникативную оболочку.

Анализ, проделанный Даве в шестой главе, позволяет выделить следующие основные составляющие национальной политики в современном Казахстане. Это

- допущение субъектного самопроявления этнических меньшинств исключительно в рамках отношений с государством, под его жестким контролем по модели «клиент — патрон»;
- деполитизация меньшинств, выражающаяся в их категорическом исключении из сферы политического действия;
- узкое понимание их культур как совокупности элементов фольклора, что фактически отрицает современное культуротворчество, а значит, избавляет государство от необходимости оказывать ему поддержку;
- постоянное «снятие» лидеров меньшинств — либо путем их кооптации в структуры власти, либо посредством вытеснения на обочину политической жизни, а то и за пределы страны;
- примордиализация меньшинств через их обязательное соотнесение с «кровью и почвой» — с четко раз и навсегда определенными территориями этногенеза и языками — при одновременной жесткой фиксации того и другого как «объективных» границ между национальностями;
- поддержка и даже инициирование процессов «национального возрождения» в среде русифицированных меньшинств;
- *PR* национальной политики за пределами Казахстана, в особенности вполне успешные усилия по получению одобрения этой политики от ОБСЕ.

По приводимым Даве в таблице 3.2 данным последней всесоюзной переписи населения, в 1989 году доля этнических русских во всем населении Казахской ССР почти не

уступала доле казахов: 37,8 и 39,7 проц. соответственно⁸. Через десять лет первая национальная перепись показала, что удельный вес казахов поднялся до 53,4, а русских — упал до 29,9 процента. Но даже после такого падения их численности русские остаются столь крупной этнической группой, что называть их меньшинством язык не поворачивается. Однако уже в середине 1990-х, когда они еще доминировали в культурном отношении, а тем более сейчас, когда это доминирование ими утрачено, они были и остаются политически маргинальной группой. Другими словами, их пример, казалось бы, особенно ярко показывает, как эффективно сработали перечисленные выше компоненты национальной политики Назарбаева. Немалую роль в превентивном пресечении активности русских сыграли также репрессии властей против отдельных лидеров. Кроме того, режиму удалось решить задачу снижения в общественном сознании «веса» русских посредством административной реформы, в результате которой те утратили статус абсолютного большинства на пограничных с Россией территориях Северного и Восточного Казахстана. Тем не менее быстрое политическое «обессиливание» русских оказалось возможным в первую очередь потому, что было во многом предопределено их собственными субъектными характеристиками. Они не сложились в целостную общность с развитыми горизонтальными связями солидарности, соответственно их отличает отсутствие единства. Вдобавок у многих из них надэтническая советская идентичность в первые годы независимости Казахстана была сильнее русской. Они постоянно рассчитывали на вмешательство в их пользу России вместо того, чтобы действовать самостоятельно. Однако Россия проявила равнодушие к их судьбе, не оказывала им реальной политической и культурной поддержки. Лидеры русских часто менялись и ссорились друг с другом, а часть

из них была кооптирована режимом в его клиентуру. К тому же интенсивная эмиграция постоянно вымывала из их рядов наиболее энергичных и активных людей. Их наиболее крупная и влиятельная организация «Лад», опасаясь обвинений в национализме, чересчур напирала на свой интернационалистский характер и из-за того не выглядела в глазах многих русских «своей». Даве приходит к выводу, что в основе всех этих субъектных слабостей русских Казахстана лежит опять-таки советское прошлое: «...В распоряжении казахстанских русских нет необходимых институтов, с помощью которых они могли бы извлечь из своей культурно-языковой гегемонии и исторического влияния политические преимущества. В этом — парадоксальное подтверждение того факта, что, сохраняя стратегически важное присутствие этнических русских в республиках, советское государство одновременно зашло гораздо дальше по пути институционализации преференций для тамошних титульных групп, чем любые другие колониальные правители» (с. 125–126).

Завершая главу о национальной политике, автор показывает, что пресловутая стабильность межэтнических отношений в Казахстане во многом является следствием воспроизводства в нем советской модели «империи наций». Только место старшего русского брата занял старший казахский брат, а взамен новой исторической общности — советского народа предполагается создать народ Казахстана. Правда, при этом из оказавшегося под рукой так кстати советского наследия изъяты неудобные для казахской политической элиты и потому совершенно нежелательные другие его компоненты. Это, прежде всего, федеративное государственное устройство; правители Казахстана, не забывшие, что власть они получили в том числе и благодаря этому устройству, не хотят повторять ошибки большевиков. Кроме того,

это принцип социальных и культурных преференций для меньшинств (причина отказа от него та же). Тем более нет желания брать в арсенал нацистроительства что-то из конституционного опыта многонациональных демократических государств; даже сам термин «меньшинства» оказывается не ко двору, словно отмеченный печатью тлетворного либерализма.

В последней, седьмой, главе Бхавна Даве рассматривает ряд вопросов, объединяемых ею под броским заголовком «Национализирующее государство: символы и трофеи». (В скобках замечу, что Даве, следуя геллнеровской традиции, в целом удачно использует метафоры для краткой образной передачи смыслов.) Конкретно речь в главе идет о том, как казахская политическая элита установила контроль над регионами и над ресурсами, о формировании замыкающихся на власть клиентельных сетей и финансовых групп, но более всего — о национализирующей политике в Казахстане. По идее эта политика должна была защищать казахов как «молодую» и «слабую» нацию. Чтобы определить, была ли эта цель достигнута, Даве сравнивает казахстанский опыт с опытом Малайзии, где были законодательно обеспечены обширные преференции для титульной нации, малайцев, и с опытом Индии, применившей принцип позитивной дискриминации в интересах *адиваси* и *хариджан* — отсталых племен и низших каст. Малайзийский вариант национализирующей политики обеспечил реальное подтягивание малайцев к уровню жизни, образования, квалификации, доступному прежде только китайской и индийским общинам, причем достигнуто это было без заметных межобщинных конфликтов. Результат, полученный в Индии, оказался двусмысленным: с одной стороны, «субалтерны», фактически внеся в политическую жизнь страны собственную «контрполитику», превратились не просто

в активных, но и признанных субъектов политического целеполагания и действия. С другой – произошло разбавление светской либеральной демократии западного образца «популистскими, клиентельными и сектантскими формами политического участия, замкнутыми на кастовые, религиозные и региональные лояльности» (с. 157). Однако в обоих случаях общности, ради которых вводилась целостная национализирующая политика, как то было в Малайзии, или ее отдельные адресные компоненты, как в Индии, действительно повысили свою историческую субъектность в качестве именно общностей. В Казахстане ничего подобного не случилось. Реальные трофеи от национализации (= казахизации) Казахстана достались в основном стоящей у власти фракции казахской политической элиты и ее клиентуре, тогда как основная масса казахов получила лишь утешительный приз в виде символов.

В «Заключении» Даве обращается к характеристике казахского национализма, представленного, как она полагает, тремя разновидностями. Первая – это показной, символический национализм режима и его клиентов; для последних он есть не что иное, как публичная демонстрация отказа от русифицированности в обмен на доступ к глобальным образцам потребления. Вторая – национализм улицы, или бытовой национализм. Не столько спонтанный, сколько производный от национализирующей политики государства, он тоже по преимуществу символический, не организованный политически, сравнительно легко контролируемый и кооптируемый. Третья разновидность – сугубо маргинальный, слабый и преследуемый оппозиционный политический национализм. К сожалению, автор не использовал еще один, буквально напрашивающийся, критерий типологизации – наличие / отсутствие ксенофобских проявлений и их фокусировку. Самое интересное, что его введение не отме-

няет ни одного из выделенных Даве типов и не добавляет к ним нового. Вырисовывается следующая картина. Режимный, или официальный, национализм явно воздерживается от ксенофобских выпадов в чей-либо адрес, хотя неявно может поощрять их *ad hoc* и даже скрыто инициировать. Бытовой, или уличный, национализм, напротив, реализуется почти исключительно в русофобии и юдофобии. Что роднит обе эти разновидности – так это фактическое отсутствие какой-либо активности, способствующей казахскому национальному возрождению. В этом отношении независимый Казахстан не слишком отличается от российских автономий, переживших в первой половине 1990-х бурный всплеск возрожденческих благопожеланий, мало что, однако, давших с практической точки зрения⁹. Лишь оппозиционный национализм, позволяя себе по случаю антирусские выпады, сосредоточен в первую очередь на проблемах казахов, точнее, их фракций, наиболее обездоленных в социальном и культурном плане (например, на проблемах сквоттеров в пригородах Алматы).

Я постарался показать основную линию рассуждений Даве, с моей точки зрения настолько хорошо фундированную, что уже по одной этой причине она должна представляться убедительной. А в моем случае на нее работают еще накопившиеся личные впечатления от поездок в Казахстан, преподавания там на летних школах, от общения с молодыми университетскими преподавателями и известными исследователями, с членами пропрезидентских и оппозиционных партий. То есть личный эмпирический опыт рецензента, выступающего как бы в роли случайно выбранного респондента, тоже свидетельствует в пользу генеральной линии доводов и выводов Бхавны Даве.

Я уже отмечал, что в книге мало фактических ошибок, но все же они есть. Некоторые, как я подозреваю, возникли по невниманию

то ли редактора, то ли автора в процессе редактирования. Так, на с. 59 в перечень депортированных в Казахстан народов попали чуваша. Убежден, что подразумевались ингуши, но на каком-то этапе подготовки рукописи к печати произошел сбой и выскочил созвучный этноним. На с. 86 Михаил Суслов назван секретарем по идеологии ЦК компартии Казахстана; думаю, что и здесь мы имеем дело не с незнанием, а с невнимательностью. Но есть и ошибки, проистекающие от недостаточной осведомленности автора в частных вопросах. Так, на с. 121 утверждается, что в эпоху гласности в Украинской ССР и Молдавской ССР были национальные автономии, тогда как на самом деле их там тогда не было; а на с. 122 заявлено, что в постсоветских государствах не было ни одного случая признания культурно-языковых прав меньшинств, и это тоже неверно, так как, даже если считать российский закон о национально-культурной автономии формальным, есть прецедент обеспечения таких прав за гагаузами в Молдове.

Все эти мелочи не снижают хорошего впечатления от книги, которую я не побоюсь назвать лучшей из известных мне западных работ о Казахстане. Бхавна Даве с успехом осуществила свои замыслы. Пожалуй, только в одном она потерпела неудачу. Я имею в виду применение методологии *Subaltern Studies*. В теоретическом плане автор оказался куда более обязан концепциям *affirmative action* и *nationalizing state*, чем «субалтернской» парадигме постколониальных исследований. В результате налицо разрыв между заявленным дисциплинарным акцентом на методах обновленной «субалтернами» исторической антропологии и фактическим преобладанием в книге политического анализа, что особенно заметно в двух последних главах. В анализе фактов автор не так уж часто выходит за рамки *political writings* и только на уровне выводов из этого анализа, равно как

и при интерпретации имеющихся суждений, вспоминает о символе веры школы *Subaltern Studies*, согласно которому подчиненные являются «творцами собственной истории и архитекторами своей судьбы»¹⁰, чисто логическим путем приводя в соответствие с ним свои умозаключения. Тем самым нарушается один из основных принципов указанной школы — наделение «субалтернов» голосом в истории посредством изощренного «очищающего» анализа текстов, оставленных начальствующими.

Представляется, что получилось так прежде всего из-за выбора источников, какими для Даве послужили в основном три категории текстов: 1) историографические, 2) архивные, 3) интервью. Первая категория была использована автором как материал для самостоятельной интерпретации имеющегося исторического нарратива, что было вполне оправданно, так как вряд ли было бы корректно пытаться извлекать голоса казахов-субалтернов из текстов, написанных профессиональными и зачастую неказахскими исследователями. Куда больше для этой цели подходят источники других взятых автором категорий, но это только на первый взгляд. Ибо, как показывает мой собственный опыт работы в региональном архиве, с началом коллективизации подчиненный человек и его слова — даже в изложении вышестоящих — практически исчезают в гряде обезличенных документов организаций и органов, и поиск их в архивах советской эпохи — занятие куда более кропотливое, а значит, более длительное и неблагодарное, чем аналогичный поиск в документах, оставленных, скажем, независимой Индии британской колониальной администрацией. Тем более что доступ даже к таким архивам был для Даве закрыт, и если ей и удалось что-то все-таки выловить, то только в обход препятствий, воздвигнутых постсоветской бюрократией. Что касается интервью, то

меня в них больше всего поразила не критическая вера в мифы, продуцируемые элитой, так, что собственно самостоятельным «субалтернским» в них парадоксальным образом оказывается отказ от самостоятельности. Вот яркий образчик: «Когда я настойчиво спрашивала, почему они (казахские интеллигенты. — С.П.) не стремились организовать сопротивление (советскому режиму. — С.П.), не выражали несогласия. Жанна, физик, в возрасте слегка за сорок, отвечала: «Как мы могли позволить себе диссидентствовать? Ведь мы боролись за выживание, за сохранение нашего генофонда! У евреев-то всегда было безопасное убежище, куда они могли в случае чего уехать, а у нас — только то, где мы жили» (с. 93). Безусловно, это тоже голос «субалтерна», но какой? В чем смысл его речи? Исключительно в оправдании собственного конформизма. Во-первых, через неявное принижение нонконформизма Другого. Во-вторых, с помощью «убойного» псевдонаучного аргумента *à la* Гумилёв, заимствованного из риторики перестроенных московских обличителей советской

власти, то есть опять-таки у Другого (к тому же Другого, выступающего по отношению к автору высказывания в роли начальства).

Выходит, что автор самим кругом избранных им источников был обречен на ограниченное и отчасти декларативное использование опыта *Subaltern Studies*. А вот если бы Даве обратилась к интернет-форумам, то по крайней мере голос современных «субалтернов» прозвучал бы в ее книге очень вятно, и даже не потребовались бы для этого всеобъемлющие деконструкции с последующей сборкой выделенных крупинки субалтернской субъектности в целостность. Ибо форумы действительно служат местом самовыражения многих из тех, кто в системе отношений господства — подчинения может занимать место не то чтобы лейтенанта, а самого распоследнего рядового, однако при этом в полной мере обладает собственным представлением об этничности, языке, власти и вполне осознанно (хотя и не всегда связно и даже цензурно) это мнение артикулировать. ■

СЕРГЕЙ ПАНАРИН

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Н.Э. Масанов (1954—2006), доктор исторических наук, автор более 150 работ, главная из которых «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества» (Алматы; Москва, 1995). О нем см.: *Ерофеева И.* Нурбулат Эдигеевич Масанов: ученый и личность // Вестник Евразии. 2007. № 4 (38). С. 45—57. См. также подготовленное Лаурой Масановой посмертное издание: *Я, Нурбулат Масанов: Сборник статей и интервью.* Алматы, 2007.

² *Subaltern* (англ. от лат. *subalternus*) — собирательное слово для обозначения военных чинов ниже капитана в английской армии. В переносном смысле указывает на вообще всех подчиненных — на тех, у кого низкий ранг или статус, кто исполняет решения вышестоящих (см.: *The Concise Oxford Dictionary of Current English.* Eighth ed. Oxford:

Clarendon Press, 1990. P. 1213). Как метафора, охватывающая совокупность людей, не имеющих из-за подчиненности своего голоса в истории, была заимствована членами группы у Антонио Грамши. Группа сформировалась в начале 1980-х, в основном из бенгальских интеллектуалов в самом высоком значении этого слова, работавших в университетах Суссекса, Калькутты, Джадавпурском и др. Костяк ее составили такие известные исследователи, как Ранаджит Гуха, Партха Чаттерджи, Гайятра Чакроворти Спивак, Дипеш Чакрабартти, Джаян Пракаш; в ее работе систематически участвовали также Дэвид Хардимэн и Дэвид Арнольд. С 1982 по 2000 год группой были изданы 11 сборников статей под стандартным названием «Subaltern Studies: Writings on South Asian History and Society» (менялась только римская цифра

после «studies», обозначающая номер выпуска) и своего рода хрестоматия наиболее ярких публикаций «Selected Subaltern Studies» (1988). Полное содержание этих выпусков можно найти по адресу: <http://www.lib.virginia.edu/area-studies/subaltern/ssmap.htm>. Резонанс публикаций «субалтернов» был настолько значительным, что в 1993-м аналогичная группа образовалась в Латинской Америке, а с началом нового века стали появляться специальные историографические работы о «субалтернах»; см., напр.: *Reading Subaltern Studies: Critical History, Contesting Meaning and the Globalization of South Asia* / D. Ludden (ed.). L., 2001. В странах бывшего СССР группа известна куда меньше, чем того заслуживает, главным образом из-за падения интереса к неэкзотическому Востоку.

³ См.: *Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict*. Berkely: Univ. of California Press, 1985.

⁴ См.: *Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

⁵ См.: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union: 1923–1939*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2001.

⁶ *Braudel F. Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*. Baltimore; London, 1977. P. 6–7.

⁷ Здесь Даве ссылается на Доналда Хоровица.

⁸ Эти цифры взяты не из самой таблицы 3.2, а из примечания к ней, так как доли, приводимые непосредственно в таблице, — результат корректировки без объяснения причин (при публикации итогов переписи 1999 года) данных предыдущей переписи в сторону увеличения доли казахов и уменьшения доли русских.

⁹ Ср.: *Панарин С. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России // Евразия: Люди и мифы: Сб. статей из журнала «Вестник Евразии» / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. М.: Наталис, 2003.*

¹⁰ *Guha R. Preface // Subaltern Studies II: Writings on South Asian History and Society / R. Guha (ed.). Delhi e.a: Oxford Univ. Press, 1983. P. vii.*